

«LE MESSENGER» «THE MESSENGER»

ВЕСТНИК

РУССКОГО СТУДЕНЧЕСКОГО
ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

PERIODIQUE BIMESTRIEL

ПАРИЖ—НЬЮ-ИОРК

О ЗЛОСЛОВИИ И КЛЕВЕТЕ

Преподобный Иоанн Лествичник, происхождения неизвестного, с ранней молодости принял иночество, последние годы своей жизни был игуменом Синайского монастыря, почил глубоким старцем около 606 г. Память 30 марта. Предлагаемый отрывок взят из знаменитого руководства преп. Иоанна к иноческой жизни «Райская Лествица».

Злословие есть отрасль ненависти, тонкий недуг, большая сокровенная и гаящаяся пиявка, которая всасывает и истребляет кровь любви. Она есть лицемерие любви, причина осквернения и отягощения сердца, истребление чистоты.

Услышав, что некоторые злословят ближних, я зацепил им; а они в извинение отвечали, что делают это из любви и попечения о злословимом. Но я сказал им: «Оставьте такую любовь». Если ты истинно любишь ближнего, как говоришь, то не осмеивай его, а молись о нем втайне, ибо сей образ любви приятен Богу. Станешь остерегаться осуждать согрешающих, если всегда будешь помнить, что Иуда был среди учеников Христовых, а разбойник в числе убийц; но в одно мгновение с ним произошла чудная перемена.

Кто хочет победить духа злословия, тот пусть приписывает вину не согрешающему, но научающему его бесу. Ибо никто не желает грешить против Бога, хотя каждый из нас грешит не только по принуждению.

Видел я согрешающего явно, но втайне покаявшегося. И тот, кого я осудил, как блудника, был уже целомудрен у Бога, умиловив Его чистосердечным обращением.

Никогда не стыдись того, кто пред тобою злословит ближнего, но скажи ему: «Перестань, брат, я ежедневно впадаю в большие грехи, и как могу его осуждать». Ты сделаешь таким образом два добра, одним пластырем исцелишь себя и ближнего. Это — один из самых кратких путей к получению прощения грехов, т. е. чтобы никого не осуждать. Потому что сказано: «не судите и не будете судимы» (Лк. VI: 37).

Как воде не сроден огонь, так и кающемуся не сродно судить. Если бы ты увидел кого-нибудь согрешающего, даже при самом исходе души из тела, то и тогда не осуждай его, ибо Суд Божий не известен людям. Некоторые явно впадали в великие грехи, но большие добродетели совершали втайне; и те, которые любили осмеивать их, обманулись, гоняясь за дымом и не видя солнца.

Послушайте меня, послушайте, злые судьи чужих дел: если

истинно то, как и в самом деле истинно, что каким судом судите, таким и будете судимы, то, конечно, за какие грехи осудим ближнего, телесные или душевные, в те сами впадаем; и иначе не бывает.

Скорые и строгие судьи прегрешений ближнего потому страстью этой болеют, что не имеют совершенной и постоянной памяти и попечения о своих согрешениях. Если бы человек в точности, без покрывала самолюбия увидел свои злые дела, то ни о чем другом, относящемся к земной жизни, не стал бы уже заботиться. Я наблюдал за плачем истинного покаяния, и не нашел в нем следа злословия и осуждения.

Судить — значит бестыдно похищать сан Божий, а осуждать — значит любить свою душу.

Как возношение и без другой страсти может погубить человека, так и осуждение одно, само по себе, может нас погубить совершенно. Ибо и фарисей за это осужден был.

Как добрый хозяин виноградника вкушает только зрелые ягоды, а кислые оставляет, так и благоразумный и рассудительный ум тщательно замечает добродетели, какие в ком-либо усмотрит; безумный же человек отыскивает пороки и недостатки. О нем-то сказано: изыскивают неправду, делают расследование за расследованием, даже до внутренней жизни человека и до глубины сердца (Пс. LXIII: 7).

ПЕЧАЛЬНОЕ ДЕВЯТЬСОТЛЕТИЕ

(1054 — 1954)

В субботу 16-го июля 1054 года, легаты Римского папы возложили на престол св. Софии в Константинополе акт отлучения Вселенского Патриарха Михаила Керулария и всех, имеющих с ним церковное общение. 24-го июля, собор епископов, собравшийся в Константинополе, предал этот документ огню, и, в свою очередь, отлучил папских легатов.

Современники почти что не обратили внимания на эти события: ни один византийский историк даже не упоминает о них. Византийское общество и народ отнеслись к жесту легатов, как к мелкому «скандалу», учиненному в Церкви чужестранцами-варварами. Константинопольский патриарх уже несколько десятилетий перед тем перестал возносить за богослужением имя рим-

ского папы, так как в течение X века и в начале XI в. Римская церковь была раздираема внутренними раздорами и политической борьбой.

В 1046 году, в Риме боролись три претендента на папство и церковный мир был водворен только благодаря вмешательству Германского императора Генриха III-го, конкурента и врага византийских царей, посадившего на престол четвертого кандидата, своего ставленника-немца, Климента II-го. Вряд ли, при таких условиях, сильнейшая и цветущая Византийская Церковь могла серьезно отнестись к действиям, исходящим от Рима...

Значение происшедших инцидентов во многих отношениях не было понято современниками, отчасти потому, что после 1054-го года, другие восточные патриархи продолжали быть в общении с Римом вплоть до крестовых походов. Да и сам Константинополь не хотел порывать окончательно с Римом: осуждены были только легаты, тогда как и в самой столице империи и на Афоне продолжали до XV века существовать латинские монастыри, находившиеся в общении с местными православными епископами и с Римским папой. Но все же произошел разрыв, который никогда формально не был преодолен. А главное, конфликт между Римом и Константинополем имел огромное экклезиологическое значение: так как столкнулись два разных понимания Церкви и ее устройства и в этом столкновении обнаружилась их несовместимость.

**

События 1054 года имели уже особый смысл, что в это время в Риме и в Константинополе правили церквами выдающиеся епископы. Римский папа Лев IX не принадлежал к типу тех мелких карьеристов, его предшественников, которые боролись за кафедру. Родом из Эльзаса, бывший епископ Тульский в Лотарингии, он принадлежал к тому огромному духовному движению, связанному с монастырем Клуни, которое стремилось возродить Западную Церковь, находящуюся долгие годы в нравственном и интеллектуальном упадке. К этому же кругу принадлежал и его сотрудник кардинал Гумберт де Муайенмутье, посланный в качестве легата в Константинополь в 1054 году. Эти люди являлись творцами Западного Средневековья, строители того огромного культурно-политического мира, из которого выйдут и крестовые походы и готические соборы. Достаточно вспомнить, что в канцелярии Льва IX-го уже работал молодой монах, Гильдебранд, также «северного» происхождения, будущей папой Григорий VII. Строился новый христианский мир, вырабатывалось в Ри-

ме новое мировоззрение, в совершенном отрыве не только от современного Востока, но и от прошлого, от греческих отцов Церкви, от древнего понимания Церкви. Интересы самого Римского Престола сосредотачиваются всецело на Западе; отныне и духовно и политически неизменно возглавлять Запад будет папа.

Этого развития на Востоке не понимали или, вернее, не отдавали себе отчета в его важности. По меткому слову проф. А. В. Карташева, греки «прозевали» появление папства. Византийская Церковь и созданная ею культура были в то время в полном расцвете, следствием которого, между прочим, явилось просвещение славянских стран. Константинопольский Престол пользовался большим авторитетом не только в церковном мире, но и у гражданской власти. Ничто так не противоречит действительности, как представление о том, что разрыв Византии с Римом явился вследствие цезарепапизма греческих императоров.

Как верно указано в книге о. А. Шмемана «Исторический путь Православия», все попытки сближения с Римом с XI-го века начинались по инициативе императоров и не удавались в силу сопротивления Церкви в лице иерархии, или же в лице церковного народа, когда иерархия склонялась перед царской властью. Так было и в 1054 году. Властный патриарх администратор, Михаил Керуларий, был встревожен беспорядками, возникшими в связи с существованием в его епархии латинских церквей, подчиненных ему, как местному епископу. В его епархии, вознося его имя за богослужением, некоторые служили на опресноках, постились в субботу, пели «аллилуиа» на Пасху, а не постом. Конечно, латиняне не читали в самом Константинополе Символа Веры с прибавкой «и от Сына». Об этом догматическом различии в 1054 г. спора почти не будет. Разница в обрядах вызывала смущение в народе, часто посещающем латинские церкви. Поэтому Патриарх решил водворить в своей епархии литургическое единообразие, правда только в тех местах богослужения, которые вызывали смущение и беспорядки. Натолкнувшись на сопротивление латинского клира, он приказал закрыть церкви западного обряда в Константинополе.

В это время в Южной Италии шла политическая борьба между Византией и Норманнами. Пользуясь им как средством культурно-политического влияния, обе стороны стремились распространить свой литургический обряд. Для того, чтобы поддержать защитников византийского обряда в Италии, греческим архиепископом Львом Охридским было написано довольно резкое письмо южно-италийскому епископу Иоанну Транийскому, в котором Западный обряд подвергался суровой критике. Письмо было направ-

лено против Западной Церкви вообще и выражало сомнения в православии западного обряда, в чем до тех пор никто не сомневался. Это придавало ему демагогический характер. Цель автора письма было подорвать авторитет Западного обряда в Италии. Это письмо, поскольку оно не носило официального характера, не имело, конечно, с точки зрения греков, решающего значения, а преследовало только определенную цель в Италии. Но для Рима эти нападки на западный обряд в Константинополе и в Италии имели экклезиологическое значение: латинское богослужение не было просто одним из существующих и принятых Церковью богослужбных чинов, это было богослужение Римской Церкви. Для Керулария утверждение литургического единообразия в Константинополе и неофициальная поддержка оказанная Грекам, живущим в епархиях Южной Италии входящих в состав К. патриархата, были лишь банальными действиями церковной политики. Но для Льва IX, Западный обряд, именно в силу того, что он употреблялся в Риме, имел совершенно исключительное значение.

От имени папы кардинал Гумберт составил письмо к патриарху: «Ты дерзнул с неизмеримой дерзостью судить апостольскую Церковь латинскую... Подумай, не безумно ли предположить, что Отец небесный скрыл от князя апостолов, Петра, обряд жертвоприношения... Ни ангел, ни пророк, но Сам Господь сказал своими устами: «Ты еси Петр, и на сем камне Я созижду Церковь мою...» Верховная кафедра не судится никем...». Это был язык смелых реформаторов западной Церкви, борющихся с нравственным упадком Запада и делающих ту же ошибку, что папа Николай I при патриархе Фогии, т. е. желающих распространить на Востоке и абсолютизировать неведомую ранней Церкви, но удобную для преследуемой ими на Западе цели, теорию непогрешимости...

Письмо написанное Гумбертом не было отправлено в Константинополь. Может быть Лев IX в последнюю минуту побоялся, как бы это письмо не углубило существующего разрыва. Эта умеренность дала Востоку возможность приступить к переговорам с Римом.

Осенью 1053 года Византия сделала попытку возобновить давно нарушенное общение с Римом. Папе Льву IX были отправлены письма от императора Константина Мономаха и патриарха Михаила: в них они сожалели о существующих разделениях между Церквями и предлагали возобновить взаимное поминовение за литургией. Эта попытка греков ясно показывает, что вопрос обряда, возбужденный Керуларием и так остро поставленный в письме Льва Охридского, не рассматривался патриархом как действительное препятствие к общению и единству с Римом.

Рим принял миролюбивый шаг греков как капитуляцию. В Константинополь едут легаты во главе с самим Гумбертом. В письме к патриарху папа требует официального покаяния, не примирения, а воссоединения: «Таково положение Римской Церкви, что если существует на земле церковь, которая бы из гордости в чем-либо выразила несогласие с нею, то эта церковь более не церковь, она—ничто, как только сборище еретиков, собрание схизматиков, синагога Сатаны!». Такой резкий тон письма повлек за собою отказ патриарха вести переговоры: легаты даже не были им приняты. Затем последовал театральный жест легатов: отлучение ими патриарха. В ответ на это, как мы уже видели, патриарх в свою очередь отлучил легатов.

Вот при каких условиях произошел разрыв. Несмотря на всю резкость его приемов, Михаил Керуларий не был прямым образом в нем виноват. Чтобы не углублять разрыва он даже объявил, что привезенные легатами письма папы — подложные. Неудача его попытки примириться с Римом, вызванная несомненно и политическими мотивами, тем более удивила его, что он слышал о добродетели, благородстве и познаниях Льва IX. Об этом удивлении он пишет уже после разрыва патриарху Петру Антиохийскому. У нас нет оснований сомневаться в его искренности.

Следует подчеркнуть, что трагические события 1054 года происходили при довольно странных обстоятельствах. Отлучение византийского патриарха, составленное, повидимому, самим Гумбертом на месте, не имело полной силы и значения, так как Лев IX уже в это время умер, чего, легаты еще не могли знать.

Происшедший разрыв, конечно, только утвердил Михаила Керулария в его антилатинских настроениях. Теперь он открыто пишет Петру Антиохийскому, что считает западных еретиками, не только потому что они вносят прибавку «И от Сына» в символ, но и потому что они едят удушенную, нарушая этим постановления Апостольского собора в Иерусалиме (51 г.), что их священники бреются и придерживаются безбрачия, что западные правила о посте недостаточно строгие, что латиняне постятся в субботу, что их епископы носят кольца, и т. д. Любопытно, что Михаил Керуларий считает так же «латинской ересью» практику, допускающую совершение литургии, на которой причащается только сам священник.

Восточный епископат не пошел за Михаилом Керуларием в его крайне нетерпимом отношении к вопросам обряда. Уже Петр Антиохийский умолял его ограничить конфликт с Римом вопросами о «Filioque» и об опресноках. Но характерно то, что никто на Востоке не осознал полностью экклезиологического значения

разрыва с Римом. Гордая своей культурой и силой, Византия отнеслась довольно хладнокровно к самому факту отхода от Православия всего латинского Запада. Уже постепенное развитие папства казалось грекам фактом несущественным, поскольку оно происходило вне священных границ богоизбранной Ромейской империи Востока. Так же и теперь отпадение Рима прошло почти незамеченным византийским обществом. Серьезных попыток воссоединения больше не было, до тех пор пока императоры не были вынуждены обратиться к Риму за помощью, чтобы спасти погибающую под ударами Турок Византию. Но тогда уже было поздно и атмосфера была неблагоприятная для открытого богословского спора, для постановки единственного настоящего вопроса, разделявшего Восток и Запад — вопроса о Церкви.

*

Когда мы теперь изучаем события 1054 года, через призму всех последующих исторических событий, нам становится ясно, что разрыв произошел потому что Восток и Запад по разному оценивали место и значение Рима среди других Церквей. Конечно, разрыв был обусловлен и второстепенными причинами: нетерпимостью Керулария, византийской политикой в Италии и особенно национально-культурной обособленностью двух миров, средиземноморского-греческого и латино-германского. Основная причина не лежала и в папской «гордости» и «самолюбии», как любят писать православные полемисты. В подлинном смирении и апостольской ревности Льва IX вряд ли можно сомневаться. Не «гордые» папы, а наиболее ответственные и сознательные из них, начиная с XII-го века проводили в жизнь теорию непогрешимости, получившую свою окончательную формулировку много позже. Поэтому-то и все попытки сговориться по другим вопросам, разделяющим Запад и Восток, были обречены на неудачу. Вставка «Filioque» в символ, сделанная в Германии и ставшая орудием и знаменем антивизантийской политики Каролингов, навязанная силой римским папам, уже не могла быть упразднена, как и не могла, даже по мнению спокойного и кроткого реформатора Льва IX, подвергнуться обсуждению и критике литургическая практика Римской Церкви. Таково было церковное убеждение Западного мира, такова была его **вера**.

Будучи христианами, мы не имеем права только «вспоминать» о событиях 1054 года, не думая о грехе разделения. Нарушение единства христианского мира является по-истине самым трагическим фактом в истории христианства, и мы обязаны желать и мо-

литься о «соединении всех». Для нас это соединение немислимо вне Истины, покоящейся в Православной Церкви, вне подлинного понимания самой природы Церкви. Историческая случайность, человеческие слабости и другие различные причины препятствовали церковному согласию, но все это не привело бы к окончательному разрыву, если под банальным спором об обрядах не обнаруживалось бы глубокой разницы в понимании Церкви. Этого мы не должны забывать, не боясь «догматизма» и «нетерпимости», но честно и спокойно обсуждая с нашими братьями-католиками древнее понимание Церкви, вне которого не будет восстановлено наше единение.

И. Мейендорф.

ПРОБЛЕМА СТРАДАНИЯ И ИСКУПЛЕНИЯ

1.

Мы окружены страданием. Со всех сторон, отовсюду врываются резкие ноты страдания в нашу жизнь. Ежедневная газета приносит сообщения о страданиях — странных, ненужных, казалось бы, ужасных: разбился аэроплан, с ним столько-то пассажиров; столько-то людей сгорело живыми; столько-то разбилось в автомобильной катастрофе; такие-то умирают в страданиях в больнице... Господи, зачем это нужно? А эти жертвы, павшие в войне, обезображенные, растерзанные трупы, или оставшиеся в живых, но изуродованные калеки? Не хочется слышать этого, но это окружает нас со всех сторон. А эти разрушения по всему миру? Половина Европы в развалинах; обугленные трупы, вытаскиваемые из подвалов разрушенных домов. Великие произведения европейского искусства, соборы и замки Средних веков и эпохи Ренессанса, дворцы XVIII-го века, музеи, библиотеки, великие русские национальные святыни и памятники древности — плод стараний и трудов десятков поколений — превращены в груды мусора и развалин. А надругательство над людьми в концентрационных лагерях — большевистских и хитлеровских, а пытки там и здесь. И — главное — система беспросветного большевистского террора, царящего над 1/5 земного шара. Как **может** все это быть? Конечно, человек сам виноват, но расплачиваются те, которые, может быть, менее всего виноваты, невинные жертвы чужой злобы и темных сил, захвативших власть в мире. Что

это? Слепой случай? Но тогда нет Провидения Божия. А если есть Божий план, Божие руководство миром и судьбой всего существующего, то, может быть, Бог в Своем знании о конечных судьбах мира и всей твари, как бы пренебрегает всеми предшествующими стадиями нашего существования, всеми страданиями нашими, что превосходит, казалось бы, нашу силу выносливости и терпения, и взирает лишь на конечный благой смысл всего происходящего, как бы оставляет нас пока одних в страданиях и горе? Но это неприемлемо для религиозного чувства и религиозного опыта нашего. «Близок Господь сокрушенным сеердцем и смиренные духом спасет». Нельзя же нам ограничивать ни милосердие ни всемогущество Божие, чтобы объяснить загадку страдания. Благой Бог, но не абсолютно всемогущий; всемогущий Бог, но взирающий лишь на общий конечный результат и равнодушный к страданию нашему — оба представления равно неприемлемы и приближаются к безбожию или искажению образа Божия. «Бог есть Любовь» — вот основной, центральный догмат христианства. Он — единый, всемогущий Бог, Творец и Владыка мира. Страдание Им допущено. Как это примирить? Это примиряется не рассуждением, не тонкостями богословия и философии, а фактом Его близости. Его близости даже в страдании нашем, Его близости к нам особенно в страдании нашем.

2.

Близость Его в страдании — это не объяснение нашего страдания, но это — **преображение** страдания. Что-то **новое** открывается, что-то новое дается, какие-то двери распахиваются перед нами в глубину, в глубинную сущность бытия, в глубины Божии. Преображение страдания, освящение страдания. Для христианина — корень и основа этого даны в добровольном страдании Сына Божия.

Страдание есть дверь, но страдание не только — дверь; оно может быть и нечто большим. Оно может быть выражением близости Божией к нам **уже теперь**, быть началом **присутствия Божия в нас**: через Крест Господень. Есть огромное достоинство в страдании, в нищете и лишениях, которые смиренно и послушно принимаются из рук Божиих. Есть радость в наготе от всякого личного имущества, в утрате всякого земного достояния; тем сильнее ощущается и понимается, что Бог — есть достояние мое и сокровище мое, что Он — то, что единственно пребывает из всех благ мира, и что, чем больше мы теряем их, тем ближе Он к нам, тем больше мы можем приобрести Его.

Труднее это, повидимому, при физических страданиях, тут сдвиг из нашего «я» должен быть, пожалуй, еще сильнее, тут еще труднее, пожалуй, бывает, и своей силой мы часто этих страданий преодолеть не можем: просто не хватает сил. Но бывает преобразование и этого страдания. Даже и Сын Божий молился, чтобы миновала Его чаша сия. Но выпил ее, и победил, вися на Кресте, и ужас страдания и одиночества и самую Смерть.

«Да будет воля Твоя!» — в этом — ключ к иной, новой плоскости, в которую мы переступаем, или вернее, вращаем: через подчинение, сознательное и вольное, нашей воли воле Божией. В этом — тайна, и благословенность и центральный смысл страдания. Поэтому Крест Христов, принятый нами, становится для нас источником жизни.

3.

В Кресте Христовом излилась безмерная любовь Божия. Кресту Христову нет параллелей, нет ничего в духовной истории мира подобного ему. В действительности физической он был окружен двумя крестами — двух сораспятых разбойников. В плоскости духовной он высится одиноко, он не сравним ни с чем. Он один — путь примирения между Богом и миром. Это есть событие совершенно исключительное, парадоксальное, поражающее нас, смутительное и радостное, ни на что не похожее. В том то и дело, что это — исключительно и неповторимо.

Когда Я вознесен буду от земли, всех привлеку к Себе. Сие сказал Он, давая разуметь, какую смертью он имеет умереть» (Иоан. XII: 32-33). И в том же Евангелии говорится, что последним словом Распятого на кресте было: «Совершилось» (Иоан. XIX: 30). Прорыв Божий в мир совершился до конца — до смерти. Дальше идти некуда, большего сделать нельзя: **большей любви нет**. Вот в этом — смысл распятия на кресте. Большей глубины нет, до которой смогла бы снизойти Любовь Божия. «На землю снишел еси, да спасеши Адама, и на земли того не обрет, даже до ада снише еси иша», — восклицает Церковь на утрне Великой Субботы. Крест есть «мир наш», примиренный мир человека с Богом, близких с дальними.

Совершилось! Излилась до конца Любовь, проявилось до конца послушание Сына Божия, — Он же и Сын человеческий. Поэтому и встретились на кресте, в Кресте Божием, в нем одном — отдающая себя до конца Любовь Божия ради спасения мира («так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего...») и послушание до конца, предание Себя до конца воле Отца, даже до

смерти крестной. Встретились Любовь Божия и полнота предания себя, полнота послушания человеческого — в лице Сына Божия. Пути от Бога к нам и от нас к Богу встретились на Кресте, слились в одно — в распятии Богочеловека.

«О глубина неисследимая! О чудо недомыслимое!» — так созерцает это церковь.

Трудно себе представить, но покоряет душу, но живет душу — животворит и осмысляет даже и страдание наше. Почему и как страдание наше животворится, освящается и преобразуется Крестом Христовым? Это одна из самых великих тайн жизни христианской, не учебников богословия, а именно **жизни во Христе**, в Нем уже теперь скрытой, с Ним сострадающей, и с Ним и в Нем теперь уже сокровенно прославленной.

4.

Сострадать со Христом — что это значит? Это нельзя объяснить теоретически, это гораздо выше всего теоретического. Это — суть и смысл всей новой жизни. В этом — ее радости, ее слава; в этом — ее сокровища. «Я решил ничем не хвалиться, кроме как Крестом Господа нашего Иисуса Христа» (Гал. VI: 14). «Ныне радуюсь в страданиях моих за вас и стремлюсь восполнить то, чего недостает в плоти моей страданий Христовых», — пишет тот же апостол Павел (Кол. I: 24). Как странно! Что это значит? И вместе с тем, как трезвенно, мужественно, уравновешено, героически! В этом — загадка и корень жизни христианской: в общении с Крестом Христовым, в общении с послушанием Христовым, более того — в участии и в том и в другом. Здесь кончается «религиозная литература», здесь нужно остановиться. Здесь место только свидетельству, живому свидетельству, такому, как у апостола Павла. А нам только **учиться** нужно: входить в эту глубину — подъятия своей воли, подъятия всей своей жизнью Креста Господня. Но это также и то **иго Христово**, про которое сказано: «Иго Мое благо и бремя Мое легко есть» (Мат. XI: 30). Другими словами, уже в этом подчинении своей воли Его воле дается радость. Радость, вытекающая из служения Ему, из отдавания себя Ему, из общения с Ним, даже — нет, не **даже**, а **особенно** — в страдании и смерти, принимаемыми во имя Его.

«Что оглушит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или опасность, или мечь?... Но все сие мы более чем преодолеваем силою Возлюбившего нас...» (Рим. VIII: 35-37).

Какая сила! Что может это преодолеть? Даже смерть становится радостью. Даже смерть заполнена, преобразена и преодо-

лена «силою Возлюбившего нас». Непонятно нам, но это так, и мы все **призваны к участию в этом**, — в этом потоке любви, объединяющем небо и землю на Кресте Христовом через отдавание Себя Сыном Божиим.

И мы понимаем тогда слова апостола Павла: «Любовь Христова объемлет нас, рассуждающих так: если один умер, то все умерли, чтобы живущие уже не для себя жили, а для Умершего за них и Воскресшего».

Николай Арсеньев.

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ НАЧАЛА XX-го ВЕКА*)

...Весна 1909 г. была ознаменована в нашем идейном сотрудничестве большим литературно-общественным событием: опубликованием сборника «Вехи», в котором семь писателей объединились в критике господствующего интеллигентского, материалистически или позитивистически обоснованного, политического радикализма. Идея и инициатива «Вех» принадлежала московскому критику и историку литературы М. О. Гершензону. Гершензон, человек чрезвычайно талантливый и оригинальный, по своим идейным воззрениям был довольно далек Петру Бернгардовичу Струве и мне, как и большинству остальных участников «Вех». Он исповедовал нечто вроде толстовского народничества, мечтая о возвращении от отрешенной умственной культуры и отвлеченных политических интересов к некоей опрошенной, органически-целостной духовной жизни; в его довольно смутных воззрениях было нечто аналогичное немецкому романтическому прославлению «души», как протесту против засилия иссушающего интеллекта. Но он нашел союзников в своем замысле критики интеллигентского мирозерцания только из состава бывших участников сборника «Проблемы идеализма». Это были: Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, Б. А. Кистяковский, П. Б. Струве и я, к которым был присоединен еще близкий П. Б. и мне публицист А. С. Изгоев. Общая тенденция главного ядра сотрудников «Вех» была, в сущности, прямо противоположна тенденции Гершензона. Если Гершензону мирозерцание и интересы русской радикальной интеллигенции пред-

*) Из книги воспоминаний С. Л. Франка о П. Б. Струве. (См. «Вестник» № 32).

ставлялись слишком сложными, утонченными, отравленными ненужной роскошью культуры и он призывал к «опрощению», то наша задача состояла, напротив, в обличении духовной узости и идейного убожества традиционных интеллигентских идей. Позднее я, шутя, как-то сказал Гершензону, что мы, собственно, имели намерение напасть друг на друга, и что только потому, что в промежутке между нами стояла «русская интеллигенция», мы принялись совместно, но с разных сторон, наносить ей удары. Разногласие это обнаружилось тотчас же по выходе в свет «Вех»: П. Б. дал в «Русской Мысли» уничтожающе-резкий отзыв о статье Гершензона. Сама возможность сотрудничества основного ядра участников «Вех» с их инициатором Гершензоном была определена тем, что Гершензон — вообще человек чудаковатый и капризный — решил в интересах независимости суждений отдельных соучастников, не знакомить никого из нас до напечатания со статьями остальных сотрудников, так что каждый из нас ознакомился с содержанием «Вех» только после их опубликования; не было и никакого предварительного редакционного сговора и обмена мыслей.

Но это разногласие прошло в общем незамеченным: индивидуальный голос Гершензона как-то потонул в солидарном хоре голосов остальных участников «Вех». Несмотря на то, что замысел их принадлежал Гершензону и несмотря на отсутствие всякого сговора, «Вехи» выразили духовно-общественную тенденцию, первым провозвестником которой был П. Б. Эта тенденция слагалась из сочетания двух основных мотивов: с одной стороны, утверждалось — против господствующего позитивизма и материализма — необходимость **религиозно-метафизических основ мировоззрения** — в этом отношении «Вехи» были прямым продолжением и углублением идейной линии «Проблем идеализма»; и с другой стороны, в них содержалась резкая принципиальная критика революционно-максималистских стремлений русской радикальной интеллигенции. Я участвовал в «Вехах» статьей «Этика нигилизма», в которой пытался свести в систему «нигилистический морализм» интеллигентского мировоззрения и вскрыть его безысходную противоречивость; статья моя кончалась призывом к замене «нигилистического морализма» **религиозным гуманизмом** (под этим несколько туманным ученым термином мне тогда смутно предносилась христианская идея богочеловечности). Более открыто и отчетливо этот призыв был выражен С. Н. Булгаковым (который уже тогда был верующим православным христианином) в статье «Героизм и подвижничество», в которой идеалу революционного героизма противопоставлялся идеал христианской свя-

тости. П. Б. написал для «Вех» статью «Интеллигенция и революция». Помню, что мы с ним, не сговариваясь, чрезвычайно близко сошлись в духе и идейных мотивах критики интеллигентского мирозерцания и что и он сам, и Нина Александровна*) мне это с удовлетворением высказали.

«Вехи» имели шумный, сенсационный успех — они были главной литературно-общественной сенсацией 1909 г. В течение полугода они выдержали пять изданий (первые четыре в 2-3 тысячи экземпляров, последнее, помнится, в пяти тысячах). К последнему изданию был приложен составленный Гершензоном большой библиографический список журнальных и газетных откликов на них. Успех этот был по существу успехом **скандала**. Если идеи «Проблем идеализма» уже воспринимались как еретические, то ересь подобного рода — критика позитивизма и материализма, пропаганда идеализма — все же снисходительно прощались радикальным общественным мнением, как относительно невинное, хотя и не безопасное, чудачество. Иное дело было критика основного, священного догмата радикальной интеллигенции — «революционизма». Она рассматривалась как дерзновенная, безусловно нестерпимая измена вековым священным заветам русской интеллигенции, измена традиции, завещанной «пророками» и «святыми» русской общественной мысли — Белинским, Грановским, Чернышевским, Писаревым, предательство векового стремления к свободе, просвещению и прогрессу и переход на сторону черной реакции. Против «Вех» восстали не только революционеры и крайние левые; не менее, пожалуй, были шокированы и возмущены ими и умеренно-либеральные круги. Противники «Вех» придавали им, очевидно, очень большое — бесспорно преувеличенное — **политическое** значение: опасались, что они будут содействовать росту консервативных течений и ослаблению либеральных и радикальных сил. Только этим можно объяснить, что такой практический политик как П. Н. Милуков, лидер партии и член Думы, счел необходимым совершить лекционное турне по России, чтобы перед большими аудиториями громить «Вехи». Господствующее общественное мнение восприняло из духовной тенденции «Вех» только эту, политическую, сторону дела, которая для нас самих была хотя и существенной, но все же лишь производной от более основной нашей задачи — пересмотра самих **духовных** основ господствующего мирозерцания.

Это соотношение ярко сказалось в прениях о «Вехах», устроенных тотчас после выхода сборника, в апреле 1909 г., петер-

*) Жена П. Б. Струве. Прим. Ред.

бургским Религиозно-философским обществом (об истории и деятельности которого, поскольку она связана с П. Б., я расскажу сейчас же ниже). Застрельщиками в критике «Вех» выступили нераздельные тогда Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус и Д. В. Философов (бывшие главными руководителями Общества). Философов в своем докладе сопоставлением цитат из статей ненавистного оппозиционному общественному мнению Меньшикова и из статьи П. Б. в «Вехах» пытался скомпрометировать идеи «Вех» простым утверждением солидарности их с «черносотенством» публициста «Нового Времени». Д. С. Мережковский прочитал свою (потом напечатанную в «Речи») статью против «Вех» под ядовитым заглавием «Семь смиренных» (он уподоблял семерых участников «Вех» семи «смирненным» иерархам, членам Святейшего Синода, отлучившим Льва Толстого от церкви). Из участников «Вех» в собрании выступали П. Б. и я, и несмотря на то, что массовое настроение аудитории было против нас и на стороне наших противников, нам без труда удалось все же обличить поверхностность этой критики и иметь некоторый успех. Вообще идеи «Вех», вопреки солидарному хору яростной критики, которым они были встречены, или отчасти даже благодаря рекламе, созданной этой критикой, не остались без влияния по крайней мере на избранный меньшинство русской интеллигенции. Они во всяком случае сделали одно дело — пробили толщину запретительной цензуры общественного мнения, не позволявшей поворить иначе, чем с благоговением, об освященных традицией радикализма идеях. И если «Вехам» не суждено было иметь определяющее влияние на ход русской политической жизни — их идеи потонули во вновь нараставшей в более широких массах общества и народа волне политического радикализма, особенно усилившейся во время войны 1914-17 гг. — то в дружном и энергичном отпоре, которым общественное мнение интеллигенции встретило большевицкую революцию, как и в возникших после революции симптомах религиозного покаяния и возрождения, идеям «Вех» по праву можно приписать существенное влияние...

...Следующий зимний сезон 1910-11 гг. памятен мне особенно событием ноября 1910 г., всколыхнувшим всю Россию и нашедшим себе отражение в жизни нашего редакционного кружка и в петербургском Религиозно-философском обществе — именно внезапным уходом из Ясной Поляны и последовавшей через несколько дней после этого смертью Л. Н. Толстого. Но прежде, чем рассказать об этом, я должен упомянуть о самом Религиозно-философском обществе, так как именно в нем выразилась наша реакция на это событие. История его в общих чертах такова. Ка-

жется, в 1902-1903 гг. (ни П. Б., ни я не жили в то время в Петербурге), по почину, если я не ошибаюсь, Мережковских возникли «религиозно-философские собрания», в которых происходили встречи и собеседования между свободными религиозными мыслителями из интеллигенции и иерархами православной церкви. Наш кружок в то время был еще далек от интереса к церковному христианству (за исключением, вероятно, одного только С. Н. Булгакова, но он жил в те годы в Киеве). Эти собрания, в которых шли споры между интеллигентами-«богоискателями» и представителями традиционной церковной веры, вскоре, однако, прекратились (возможно, что они были запрещены церковной властью). Зимой 1904-1905 гг. Н. А. Бердяев и наезжавший в Петербург С. Н. Булгаков редактировали сначала перенятый от Мережковских журнал «Новый Путь», а затем сменивший его «толстый» журнал «Вопросы Жизни» (издававшийся Д. Е. Жуковским). В это время произошло сближение между двумя разнородными группами интеллигенции: между «богоискателями» из поэтов-символистов (Мережковский, Зинаида Гиппиус, Н. М. Минский, прибывший тогда из-за границы и сразу выдвинувшийся Вячеслав Иванов, Федор Сологуб и близкие к ним более молодые поэты Блок, Городецкий и Г. И. Чулков, прошумевший тогда как зачинатель направления «мистического анархизма»; к этой же группе примыкал и замечательный религиозный писатель В. В. Розанов) и нашим кружком, пришедшим к «идеализму» от марксизма. Душой этого сближения был неутомимый собеседник Н. А. Бердяев; через него познакомился и я с этой средой поэтов-богоискателей. В шумный сезон 1904-1905 гг. с его политическими банкетами и беспорядками, а тем более в революционную пору 1905-1906 гг. эти интересы стояли все же на заднем плане общественного внимания. Но именно на почве этого сближения двух групп интеллигенции возникло, как возрождение в новой форме «Религиозно-философских собраний», петербургское Религиозно-философское общество (а также и московское Религиозно-философское общество имени Вл. Соловьева). Точное время его возникновения я не помню; во всяком случае заметную роль в петербургской общественной жизни оно стало играть лишь в годы политической реакции и политического успокоения, начиная с 1908 года. Руководителями его были Мережковские, постоянным председателем — А. В. Карташев. Кроме упомянутых выше «богоискателей», в Обществе принимали участие очень талантливый чиновник Синода Тернавцев, философ С. А. Аскольдов-Алексеев и несколько священников либерального (в политическом и богословском смысле) направления — о. Константин Агеев и

некий отец Михаил (фамилии не помню), вскоре запрещенный в служении и ставший старообрядческим епископом. (Н. А. Берядев к тому времени переселился в Москву). Я начал посещать Религиозно-философское общество с осени 1908 г., П. Б., помнится, еще позднее; особенно частым стало его и мое общение с Мережковскими в годы, когда они, о чем я уже упоминал, редактировали беллетристический отдел «Русской Мысли» (1911-13 гг.) В их квартире на Литейном, в известном доме Мурузи, где с ними жил и Д. В. Философов, происходили собрания кружка ближайших участников и руководителей Религиозно-философского общества (в него входили, кроме них, А. В. Карташев, С. А. Аскольдов, П. Б. и я).

Направляясь однажды вечером в начале ноября 1910 г. на такое собрание, я по дороге прочитал в вечерней газете о внезапном ночном бегстве Л. Н. Толстого из его дома в Ясной Поляне. Я сам был потрясен этим известием и застал Мережковских и остальных членов кружка в большом возбуждении. Помню суждение П. Б. на этом вечере, что уход Толстого есть «событие величайшего религиозного значения». Это суждение особенно запомнилось мне, потому что П. Б. никогда не увлекался Толстым как религиозным проповедником и всегда, напротив, относился к нему резко отрицательно — в отличие от меня, который в юные годы увлекался его писаниями и, хотя и не разделял его идей, долго не мог отчетливо осознать, в чем именно они ложны. Когда через несколько дней, в течение которых вся Россия лихорадочно следила за странствованием и заболеванием Толстого, пришло известие об его смерти, на совещании у Мережковских было решено устроить торжественное заседание Религиозно-философского общества, посвященное его памяти. По предложению Мережковских, было принято необычайное решение (вполне одобренное и П. Б.): после речей собрание должно было закончиться молитвой. Было условлено, что последним выступит упомянутый только что старообрядческий епископ Михаил, который закончит свою речь свободной молитвой об упокоении души Толстого; это должно было быть для собрания сигналом встать, после чего какой-то приглашенный хор должен был пропеть заповеди блаженства. Это была первая попытка перехода религиозно-заинтересованной интеллигенции от религиозно-философских рассуждений к участию в некоем внеконфессионально-церковном богослужении. В этом решении, несмотря на некоторую его нарочитость и искусственность, было что-то, что соответствовало общему настроению, религиозно потрясенному смертью Толстого (помню, что, например, на педагогических курсах Фребелевского общества слу-

шательницы после моей речи о Толстом тоже по собственной инициативе пропели заупокойную молитву). Против решения протестовал из всего нашего собрания только Аскольдов, убежденный православный, предлагавший вместо этого отслужить настоящую православную панихиду.

Собрание состоялось в очень торжественной и приподнятой атмосфере по принятой программе (большинство произнесенных речей было напечатано в «Русской Мысли» в декабрьской книжке 1910 г.). П. Б. сказал очень интересное слово о «противоборстве Добра и Красоты в учении Толстого». Неожиданное религиозное пение было принято весьма разнородным собранием с некоторым недоумением, но, кажется, все же произвело впечатление. В более широких интеллигентских кругах оно было встречено насмешливо. Я рассказал так подробно об этом эпизоде, потому что думаю, что и для самого П. Б., как и для некоторых других участников собрания, он был выражением некоторого, смутно нарастающего в нас стремления к церковному оформлению наших религиозных исканий. Вплоть до послереволюционных 20-х годов П. Б. (как и мы все — члены кружка «Русской Мысли») по личным религиозным убеждениям стоял определенно вне церкви (что же касается Мережковских, то они, как известно, проповедовали свое собственное, апокалиптическо-революционное христианство, резко враждебное православию и традиционной церковной вере). Но с свойственной П. Б.-чу духовной чуткостью он одновременно уже тогда сознавал огромное положительное духовное значение церковной традиции и церковной оформленности веры.

С. Франк.

ИДЕЯ ХРИСТИАНСКОГО РЕАЛИЗМА

(По поводу книги С. Л. Франка «Свет во тьме»).

Последняя книга Франка, вышедшая еще при его жизни («Свет во тьме»), посвящена вопросам христианской этики, отчасти впрочем философии истории. Это бесспорно лучшая из всех работ Франка, в известном смысле завершение его прежних трактатов, во всяком случае эта книга наиболее значительна по своей теме. Прежние работы Франка, при всей их исключительно ясности и четкости, были все же далеки от среднего читателя, так как

касались труднейших тем гносеологии и метафизики. Последняя же книга Франка обращена к вопросам, которые близки всем людям — к вопросам морального сознания, к моральной оценке современности, к поискам христианского выхода из создавшихся тупиков культуры и жизни. Франк впервые подходит здесь к труднейшей проблеме — к проблеме зла — и стремится найти правильные основы для борьбы со злом. Это приближает книгу Франка к современной жизни со всеми ее трагическими противоречиями, сообщает книге особую остроту и силу.

От первой части книги Франка веет столь глубоким пессимизмом, что положение представляется почти безвыходным, борьба со злом кажется почти безнадежной. Свет Христов, о котором много говорится в книге, все же не разгоняет тьмы, которая продолжает существовать рядом со светом. «Мир остается царством тьмы, уныло замечает Франк (стр. 18), хотя в глубине его светит Вечный Свет. Основное впечатление от всего, что пришлось пережить европейскому человечеству за последнее время, есть впечатление **власти тьмы в мире**» (34). Это «упорство и могущество зла» (33) приводит Франка к выводу, что «дух зла **искони таится в душе человечества, что он есть некая сверхчеловеческая сила, неодолимая никакими чисто человеческими усилиями и внешними мерами**» (38).

Мировое бытие, пишет Франк, «повидимому, равнодушно к добру и злу, к правде и неправде, разуму и глупости». И еще: «миру свойственно упорствовать во зле, отсюда невольное и неустранимое впечатление, что зло есть страшная, огромная сила, властвующая над миром и как-то **имманентно ему** свойственная» (46).

Не чересчур ли далеко заходит Франк? Не оттого ли, что в прежних работах он словно не замечал проблемы зла (которая впрочем не укладывается ни в какую систему «всеединства» — чем является философия Франка в целом), он теперь с особой силой отмечает «власть тьмы»? Это особенно чувствуется в тех частях книги «Свет во тьме», в которых Франк обращается к анализу современности. С исключительной силой Франк характеризует тот «культ тьмы, который родился из разложения гуманизма» и очень удачно и верно пишет о «демоническом утопизме» (58), который так часто овладевает современными людьми. «В демоническом утопизме, справедливо отмечает Франк, противостоит естественному сочетается отрицание силы добра, вера в силу темных начал с утопизмом, т. е. верой, что тьма и есть творческая сила, которой дано осуществить идеальное состояние мирового и человеческого бытия». Здесь Франк углубляет и расширяет те свои

анализы, которые он впервые развивал в своем примечательном этюде «Крушение кумиров».

Но если зло так глубоко связано с историей, то возможна ли борьба с ним, возможна ли «реформа бытия» (334), как выражается Франк? Есть ли здесь место для христианской активности? Размышлениям на эту тему и посвящена вторая часть книги Франка.

Надо отнести на счет философской тонкости Франка то, что в этой второй части он намечает лишь основы христианского реализма, основы христианской теории прогресса. Всякая рационализация в этой области, как бы ни была она заманчива для нашего разума, таит в себе чрезвычайные опасности, а главное — ослабляет то непосредственное чувство правды, которое одно может спасти нас от односторонностей, формализма и максимализма. Франк, слава Богу, удачно обходит возможность такого срыва и ограничивается уяснением принципиальных основ «христианского реализма». Войдем в некоторые подробности его мысли.

Франк верит в конечное торжество добра на земле, но именно потому он убежден, что «человек стоит перед задачей **действенно** участвовать в оздоровлении и спасении мира».

Но отсюда вытекает неизбежность активной борьбы со злом («тьмой») в мире, игнорирование этого есть, по выражению Франка, «величайшее и подлинно губительное заблуждение толстовства». Впротивовес всякому пассивизму, Франк выдвигает задачу «творческой христианизации мира» (376), говорит «о **долге** христианской активности». С чрезвычайной силой Франк утверждает, что «история последних десятилетий, завершившихся неслыханным разнузданием в мире адских сил, есть вопиющий обвинительный акт не только против насильников и носителей зла, но одновременно и **против всех христианских и моральных пуритов**, утративших сознание своей ответственности за мировое зло». Всем этим и ставится со всей своей сложностью проблема христианского реализма, суть которого Франк видит в «принципе конкретной эффективности». Безбоязненно и смело пускается Франк в дальнейший анализ этого «христианского реализма», т. е. подлинного преобразования основ жизни («реформы бытия» — 334). Он не боится такого вывода: «Христианская активность, пишет он (266), должна скорее брать на себя грех непосредственного причинения страданий, чем расслабляться сентиментально-мечтательной, безответственной добротой». Однако, тут же Франк, осторожно ради, добавляет, что при этом «должно избегать всякой ненужной, излишней суровости мер». Но если верно, что «неизбежно признавать известный минимум в мире несовершенства и зла»,

то ведь верно и то, что это несовершенство, по словам самого Франка, «неустранимо средствами самого мира». Не потому ли Франк и предостерегает от «ненужной суровости»? Но как здесь определить границу между «конкретной эффективностью» и «ненужной суровостью»? Франк чувствует опасность дальнейшей рационализации на этом пути и сознает, что с этой рационализацией неожиданно привходит опасная двусмысленность. Поэтому он стремится оправдать защищаемую им позицию «морального компромисса», указанием на то, что она «вовсе не совпадает с безнравственным правилом, что цель оправдывает средства». Но принцип «конкретной эффективности», увы, дает основание для такого истолкования путей «реализма». Вся опасность рационализации в этой тончайшей теме в том и заключается, что на пути «реализма» мы можем докатиться до того, о чем так остро писал Pascal в своих «Lettres Provinciales». В общем Франк обновился во время. Для морального оздоровления современности столь же важен принцип христианской активности, принцип действительной борьбы со злом (что и есть «христианский реализм»), сколь важно помнить и то, что всякая рационализация в сфере морального сознания не помогает найти «конкретную правду», а, наоборот, легко огрубляет положение, легко вырождается в политический, национальный, социальный максимализм и фанатизм. Франк остро ставит проблему христианского реализма, предостерегает от всяческой маниловщины на этом пути, но дальше принципа реализма здесь не должно идти. Как ни важен принцип «конкретной эффективности», — но здесь всегда должна быть на страже наша совесть, чтобы на пути реализма не окатиться во власти «темных начал», ныне владеющих миром.

Прот. В. Зеньковский.

БИБЛИОГРАФИЯ

М. П. Бок (рожд. Столыпина). Воспоминания о моем отце. Изд. имени А. Чехова, Нью-Йорк, 1953, 347 стр.

Как бы ни относиться к государственной деятельности Столыпина, все же нельзя не признать, что среди высоких петербургских сановников начала 20 в., только он да С. Ю. Витте являются значительными и яркими фигурами.

Не стоит доказывать, как нужны все данные, способные осветить и дополнить наши сведения о людях, руководивших нашими судьбами в самые трудные годы последнего времени. Тут интересны все материалы, казалось бы и незначительные — лишь бы они были честны. А как раз

это качество и отмечает предлагаемую книгу: она неприязнительна, скромна и честна, она говорит только о том, что автор видел и пережил; она говорит не о премьере, не о государственном деятеле, а о «человеке», о горячо любимом «отце», с которым дочь была духовно близка; она рассказывает задушливую личную жизнь «человека». Вот это-то и ценно.

Должно признать, что с этих скромных страниц живо выступает яркая и привлекательная фигура очень «русского» человека с его разнообразной талантливостью и вместе с тем деловитой практичностью совсем не диллетанта и не кабинетного теоретика. (Чем-то он напоминает мне некоторые типы Лескова).

Человека страстно верующего в «Великую Россию» и всеми силами хотящего спасти ее от «великих потрясений», роковой исход которых он предвидел, может-быть, лучше других, именно в силу своего знания подлинной мужицкой России.

Читаются эти Мемуары с большой легкостью и интересом даже в главах совсем семейного характера и дают очень много черточек и для бытописания тех лет.

Тем, кто интересуется русской жизнью накануне великой катастрофы, весьма рекомендуем эту книжку, а кстати напомним, что о ней имеется интересная рецензия г-жи Степановой под заглавием: «Из чуждого мира» в янв.-февр. книжке Возрождения за 1954 г.

Александра Петруневич.

Глев Рар (А. Ветров). Плененная Церковь. «Посев», 1954, 113 стр.

Положение Церкви в Сов. России привлекало и продолжает привлекать больше внимание иностранцев, чем русских. Этому вопросу посвящены на английском языке превосходные труды П. Андерсона, Кэртисса, Гуриана и Н. Тимашева. На итальянском языке, в 1948 г., появилась исчерпывающая книга Г. Шмидера о юридическом статусе церковных общин в СССР. Во Франции следует отметить брошюры выпускаемые «Documentation Française» и работу о. Х. Дюмона и его института, в Бельгии хроника церковной жизни в журнале «Irénikon», в Германии статьи Б. Шпулера, сотрудника «Internationale Kirche Zeitschrift».

Книга Г. Рара лишь частично восполняет создавшийся пробел в русской зарубежной литературе. Сам автор в кратком предисловии подчеркивает, что его труд «не может претендовать ни на научность, ни на полноту изложения». «Из помещенного в конце очерка списка использованных источников» должна явствовать «скудость доступных автору сведений». Невольно возникает вопрос, почему автор так ограничил поле своих изысканий. Из перечисленных выше трудов автор «Плененной Церкви» ознакомился лишь с книгой П. Андерсона, а из самого изложения видно, что автор не располагал комплектом «Журнала Московской Патриархии» и другими Московскими изданиями, или же недостаточно изучил их.

Книга делится на две части. Первая часть (стр. 5-48) носит исторический характер: в ней набросан краткий очерк развития взаимоотношений между властью и Церковью в СССР, с собора 1917 г. по избрание в 1945 г. на патриарший престол митр. Алексия. В ней Г. Рар, в основном следует П. Андерсону. Ему удается показать не только отрицательное, но и все положительное значение церковной политики митр. Сергия.

Во второй части книги дан обзор положения Церкви в послевоенное время. В общих чертах картина рисуемая автором верна. Но в частности допущено большое количество неточностей и ошибок. Так, список епископских кафедр неполон (стр. 66). Опущены кафедры: Ворошиловская и

Донецкая, Хабаровская и Владивостокская, Челябинская и Златоусовская и другие... В Грузии епископских кафедр не 3, как сказано, а 15; правящих епископов не 3, а 6. Неверно утверждение, что о строительстве новых храмов нет никаких сведений (стр. 67). Ж. М. П. в свое время сообщал о закладке церкви в 1948 г. в городе Медногорске (Урал), появившемся на карте после Второй Мировой Войны, о «церковном строительстве в Самарканде» и т. д... Откуда у автора сведения, что в Казани открыто 5 церквей? (стр. 67). По нашим сведениям там действует всего только две церкви, собор и кладбищенская, как, между прочим, и в большинстве крупных городов СССР.

Не верно и то, что «нет никаких сообщений о других монастырях», кроме, как о тех 6, о которых упоминает автор (стр. 67). В Ж. М. П. были даны указания о 40 приблизительно монастырях, ныне действующих на территории СССР. Перечень изданий Московской Патриархии далеко неполон (стр. 71). «Чинопоследование Божественных Лигургий» А. И. Георгиевского отнюдь не является «единственной книгой церковного содержания» (стр. 71). А «Служба всем Святым в земле российской просиявших» 1946 г.? А «Чинопоследование Успения» с 40 стр. нотного пения изданное в 1951 г.?

Все эти неточности несомненно снижают ценность книги, но в целом она достигает поставленной ей цели: помочь «читателям составить себе приблизительную картину положения Церкви в СССР и освободиться от некоторых распространенных зарубежом упрощений, отвлекающие эмиграцию от Родины и вредных для дела ее освобождения».

Автор так же далек от тех голословных обвинений Церкви в Сов. России в лже-православии, кот. можно встретить почти в каждом номере «Православной Руси», как и от идеализации положения Церкви в условиях советского режима. Трудно не согласиться с основными тезисами книги, изложенными в заключительных строках последней главы.

«Церковь открыто существующая в СССР борется за сохранение возможности открытой и широкой проповеди Слова Божия на нашей Родине. Церковь тайная блюдет малые очаги святости... Церковь свободная, зарубежная — должна словом и делом служить Русской Церкви в целом...»*).

Придет час, когда эти три струи вновь сольются в единый поток Святой Церкви освобожденной Родины, и этот поток, как и в прежние века нашей истории и будет главной движущей силой нашего духовного возрождения».

Н. Струве.

И ХРОНИКА ДВИЖЕНИЯ.

ВЕСЕННИЙ СЪЕЗД Р.С.Х.Д. ВО ФРАНЦИИ.

(5-8 июня 1954 г.).

Очередной весенний съезд нашего Движения в Париже был задуман несколько по иному, чем это мы делали раньше: Совет Движения во

*) Здесь мы сознательно опускаем конец фразы: «и бороться за ее освобождение». Такая задача нам кажется не совсем адекватной самой природе Церкви.

Франции, вместе с Центром Движения решил превратить местный съезд в съезд всей православной русской молодежи в Западной Европе. План этот в значительной своей части удался — достаточно указать, что на съезде было, кроме членов Движения и гостей из Парижа и из других городов Франции (Ницца, Гренобль, Монбеллар, Лилль, Крезе, Биариц — всего 16 человек), молодежь из Бельгии (5 человек), Англии (5 чел.), Германии (3 чел.), и Швейцарии (3 чел.). Это обстоятельство придало нашему съезду особые черты. Движение во Франции явилось как бы средоточием русской церковной молодежи в Зап. Европе. Съезд положил таким образом начало новому собиранию православной молодежи, как бы воскрешая то, чем было Движение до войны 1939-45 г.

Съезд был очень многочисленным — на нем перебивало до 210 человек, особенно ценным было то, что на съезде преобладала молодежь студенческого возраста. На съезде присутствовал еп. Сильвестр, было много духовенства. Как обычно, каждый день служилась литургия, а накануне вечером — всенощная под воскресенье, в другие дни или вечерняя или утренняя. Как и всегда Съезд происходил в гостеприимных помещениях в Бьевре.

Первая часть Съезда (первые 3 дня) была посвящена одной и той же теме в разных ее аспектах: «Христианин в миру». Первым докладчиком был К. А. Ельчанинов (тема: «Кто такие христиане?»), который развил мысль о том, что если христиане живут в мире, то в своей духовной основе они не от мира. Эту же тему углубил о. Романидис, который поставил вопрос о жизни прихода. В основу своего доклада о. Романидис поставил тему о власти греха, о силе искушений, о неизбежности для христиан постоянной борьбы с злым духом. Эта борьба возможна лишь через приобщение к Церкви, к ее спасительной силе, — самое же приобщение к Церкви, чтобы быть реальным, должно быть конкретным, из чего вытекает необходимость постоянной связи с общиной, с живыми силами, пребывающими в Церкви. О. А. Князев говорил на тему о «христианской семье»; он раскрыл благодатные силы, присущие христианской семье. И. Ф. Мейендорф говоривший на тему «христианство и культура», показал всю сложность отошедшей от Христа современной жизни и подчеркнул необходимость преодоления ее неправды. О. В. Зеньковский, которому был поручен заключительный доклад, указал прежде всего на то, что отход культуры от Церкви, тяготеющий над современностью, имеет рядом с собой обмирщение церковного сознания. Пришла пора очищения и просветления церковного сознания, — но для борьбы за Церковь необходимо покончить с той дряблостью современных христиан, которые не реализуют ни в себе, ни в жизни силы Церкви и ее даров. Докладчик призвал к углублению духовной жизни, к дисциплине, без чего невозможно вернуть Церкви ее центральное значение в жизни и культуре.

После всех докладов съезд разбивался на группы, в которых под руководством более зрелых членов съезда разбирались положения, представленные докладчиками. После этого устраивалось каждый раз общее собрание, которое заслушивало сообщения о том, что говорилось в группах. Все это очень содействовало активному участию всех участников съезда в работе.

Четвертый день съезда был посвящен вопросу о путях работы Движения, о методах привлечения молодежи к Церкви, к религиозной жизни.

Такова схема работы съезда, но это лишь внешняя сторона его. Гораздо важнее и существеннее было то подлинное религиозное одушевле-

ние, которое, по мере развития работы съезда, все сильнее охватывало всех участников. Помимо того, что подавляющее число членов съезда приступило к исповеди и к св. Причастию, общая духовная напряженность съезда подымала всех и превращала съезд в светлый праздник, в своеобразное богомолье. Снова и снова Господь послал нам свою благодатную помощь — и когда закончился съезд и пришло время разъезжаться, все уносили с собой окрепшее чувство Церкви, живую решимость во всем и всегда связывать свою жизнь с Церковью.

В.

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ВПЕЧАТЛЕНИЙ УЧАСТНИКОВ О СЪЕЗДЕ.

Будучи впервые на Съезде Р.С.Х.Д., я с удовольствием отметила, что эта организация стоит вне всякой политической ориентации, а стремится, главным образом, объединить молодежь и развить ее знания о нашей вере, о нашей церкви и о русской культуре. Это является, по моему, самым лучшим путем к пробуждению любви к России...

Очень интересными оказались темы докладов: все они имели связь и внутреннее единство. Отрадно было и то, что большинство молодежи знает службы и целиком участвует в них.

Съезд прошел в очень дружественной обстановке; к сожалению, пришлось уезжать как раз в то время, когда ближе познакомилась с многими.

Следует особо приветствовать стремление Р.С.Х.Д. расширить и улучшить работу, прислушиваясь не только к мнению членов Движения, но и гостей.

Н. Стрекалова. (Гренобль), 22 июня.

Впечатления мои о съезде очень разнообразны, но я остановлюсь только на двух сторонах съезда особенно меня поразивших. Первое — это настроение взаимного понимания, простоты и легкости в обращении всех участников съезда, независимо от их возраста и рода занятий. От этого создалось впечатление, что в какой то мере обстановка съезда была иллюстрацией той христианской общины, о которой говорилось на одном из докладов. Второе, съезд как будто и не разрешил всех вопросов, встающих перед христианином в миру, а между тем он дал тот толчок, который необходим многим из нас. Он обогатил меня опытом искреннего и серьезного общения с людьми.

Н. Гейт. (Ницца), 22 июня.

Этот Съезд произвел большее впечатление, чем предыдущие. Очень удачны были доклады и семинары. Хотелось отметить, как ценен оказался нам, делегатам из Льежа, последний день съезда, когда делегаты сообщали о работе в их кружках. Обсуждение методов работы с молодежью принесло нам большую пользу.

К. Роменская. (Льеж), 23 июня.

Съезд для нас, делегатов из Англии, принявших впервые участие в Съезде Р.С.Х.Д., был очень радостным событием.

Доклады затронули очень важные современные темы, имеющие не только богословское, но и общее значение.

Доклады о работе и идеологии Р.С.Х.Д. имели особый для нас интерес. Поддерживая связь среди русской молодежи в эмиграции, Движение делает чрезвычайно важную и ценную работу. Приехавшие из Англии,

где русской молодежи очень мало, очень благодарны Движению и приветствуют его планы по устройству новых Съездов.

И. Кириллова. (Лондон), 25 июня.

Собираясь на Съезд, я задавал себе много вопросов: сколько будет участников; каков будет общий характер Съезда; как будет разрабатываться общая тема Съезда?

Приехав на Съезд, я был приятно поражен всем тем, что я увидел: во-первых, его многочисленностью; такого количества молодежи я не ожидал; во-вторых, идейностью и духовным напряжением всех участников. Меня особенно обрадовало то, что люди приехали на Съезд для дела, а не для развлечения.

Выбор общей темы Съезда: «Христианин в современном мире» был очень удачен. Особенно ценно в докладах внимание, обращенное на приход, как основную ячейку церковной жизни. Задача каждого в своем приходе, по мере сил своих, способствовать развитию приходской жизни.

Заключительный доклад о. прот. В. Зеньковского был воспринят всеми участниками Съезда, как призыв к миссионерству, к исповеданию Христа и свидетельству о нем всегда и всюду, среди своих и среди инославных. Этот призыв был принят с воодушевлением. Дай Бог, чтобы у всех участников это воодушевление, это духовное напряжение, царившее на Съезде, сохранились и после Съезда и претворились в дела в их повседневной жизни. Тогда, я думаю, основная цель Съезда будет достигнута.

А. Цуриков. (Мюнхен), 25 июня.

Мы в первый раз участвовали на Съезде такого рода и мы с особой силой почувствовали, что Православие объединяет всех нас. Доклады все более и более пробуждали в нас желание служить нашей Церкви. Мы увидели, что Православие живет и действует; что не только поколение наших родителей, но и молодежь наших лет стремится знать Православие и жить им. Здесь мы поняли, как можем конкретно служить нашей вере, к которой до сих пор мы относились скорее «пассивно». Мы вернулись в Женеву с сознанием, что если в нашей работе будут трудности, то мы не одни, так как можем обратиться к Р.С.Х.Д. за помощью.

Валерия и Елена Оболенские. (Женева), 26 июня.

КРУЖКИ Р.С.Х.Д.

1) Библийский кружок.

Библийский Кружок на французском языке, основанный пять лет тому назад Г. Холдром, собирался раз в две недели, в доме Движения, под руководством свящ. И. Мелиа и Н. Струве. В этом году изучались Послания ап. Павла к Ефесянам и к Титу. В собраниях кружка участвовало постоянно от 7 до 20 человек. Доклады, всегда сопровождаемые очень оживленным обменом мнений, читались поочередно свящ. И. Мелиа, Н. Куломзинным, П. Льюллие, Н. Струве, К. Хелстовской, С. Антонспуло и др. Приглашались так же для чтения докладов профессора Богословского Института: Л. А. Зандер, епископ Кассиан. Особо нужно отметить посещение кружка Владыкой Кассианом, прочитавшим блестящую лекцию о Послании к Ефесянам.

В будущем году Библийский кружок займется изучением книги «Бытия».

2) Религиозно-философский кружок.

Религиозно-философский кружок, руководимый Д. Д. Викторовым, является, по всей вероятности, одним из самых давних кружков Движения: он ведет свою работу без перерыва с 1946 г. Главная задача кружка — изучение русской религиозно-философской мысли 19 и 20 века. В этом году кружок изучал социальные проблемы в свете христианства. Было прочитано ряд докладов о социализме, марксизме и о католических священниках, работающих на заводах (prêtres-ouvriers).

3) Литературный кружок при Библиотеке Р.С.Х.Д.

Литературный кружок при Библиотеке Р.С.Х.Д., организованный с целью объединить родителей, заботящихся о сохранении в своих детях любви к чтению русских книг, провел в этом году, начиная с конца марта — 5 закрытых собраний, на которых были прочитаны доклады о Фонвизине, Грибоедове, Крылове и Жуковском, а так же о многих других, современных им писателях, и 3 открытые беседы на следующие темы: «Предшественники Пушкина», «Жуковский», и «Бунтующие герои Пушкина». Участники кружка чувствуют, что теперь им будет легче в беседах со своими детьми посоветовать прочесть то или иное произведение из русской литературы.

4) Юношеский кружок.

Юношеский кружок, под руководством К. А. Ельчанинова, собирался два раза в месяц в составе от 7 до 10 человек и занимался чтением и разбором романа Достоевского «Бесы». Последние собрания были посвящены разбору книги Б. П. Вышеславцева: «Кризис индустриальной культуры».

5) Литературный кружок.

Литературный кружок, под руководством О. В. Икскуль и И. В. Морозова, собирался два раза в месяц от 12 до 23 человек и занимался изучением творчества Достоевского. Доклады читали: Г. А. Мейер и Л. А. Зандер. В конце года несколько собраний были посвящены жизни и творчеству Чехова, с докладами выступали Б. К. Зайцев и В. Н. Ильин.

6) Клуб молодежи.

Собрания клуба молодежи устраивались раз в три недели; в них принимало участие от 20 до 50 человек. В клубе было прочитано несколько докладов о русской литературе, после которых читались отрывки из русской литературы, а так же доклады о музыке, которые сопровождалась музыкальными иллюстрациями.

7) Экуменический кружок.

В настоящем году состоялось несколько экуменических выездов при участии католических, протестантских и православных студентов. На собраниях разбирались следующие темы: «Почитание Божьей Матери» и «Таинство Брака».

Музыкальные вечера.

22 мая музыкальный вечер был посвящен М. И. Глинке. Вступительное слово сказал В. Н. Ильин, затем была представлена, в записи грамофонных пластинок, опера «Жизнь за Царя».

Пособие для руководителей кружков.

Р.С.Х.Д. во Франции выпустило отдельным изданием пособие для руководителей кружков, в котором даны общие указания о работе в кружках и богатая библиография для кружков. Цена брошюры — 100 фр. Эту брошюру можно выписывать из редакции «Вестника». Р.С.Х.Д.

Осенний съезд Р.С.Х.Д. во Франции.

Движение во Франции устраивает под Melun с 30 октября по 1 ноября трехдневный осенний съезд для молодежи на общую тему: «Православие и Россия». Подробная программа съезда будет напечатана в следующем номере Вестника.

О ЧЕТВЕРГОВОЙ ШКОЛЕ Р.С.Х.Д. В ПАРИЖЕ.

В 1953/54 учебном году в школе было 55 учеников, в возрасте от 6-ти до 17 лет, разбитых на 6 классов при 5 преподавателях.

Закон Божий преподают: о. Виктор Юрьев и о. Алексей Князев, русский язык: А. П. Жихарева и Н. А. Терентьева, историю и географию: дьякон В. Дунаев, церковное пение: Т. И. Смоленская.

Каждый четверг во всех классах на преподавание русского уделялось по два урока. Программа старшего 6-го класса имела целью подготовку учеников к сдаче русского языка на «brevet» и «bachot», которая, к сожалению, мало совпадает с подлинным изучением русского языка и русской литературы. Изучение русской географии и истории начинается с 3-го года (примерно с девяти лет).

Уроки Закона Божия ведутся активным методом, т. е., объяснение уроков ведется системой вопросов, наводящих учеников на желаемый ответ. Иногда это вызывает дискуссии, в которых, раскрывается насколько ученик понял объясняемое. В некоторых классах ученики раскрашивали схематические рисунки и делали соответствующие надписи. Особенно интересен был опыт в 4-м классе при прохождении литургии: все главные моменты литургии (включая и проскомидию) зарисовывались в двух видах на одной странице: наверху событие из жизни Спасителя, соответствующее данному моменту литургии, внизу — действия священника в алтаре или на амвоне.

РАБОТА ГОРОДСКОГО ОТДЕЛА РСХД В САН ФРАНЦИСКО, КАЛИФОРНИЯ.

1. Литургический кружок занимался изучением Литургии под руководством о. Георгия Беннигсена. Собирался от двух до четырех раз в месяц. Среднее число участников: от 9-ти до 11-ти.

2. Евангельский кружок собирался с конца 1953 г. один раз в месяц. Среднее число участников — 7 человек.

3. Один открытый доклад для молодежи в связи с 250-летием Петербурга (42 человека).

4. Собрания с докладами о Летнем и Общем Съездах, Рождественское, Пасхальное, в день св. Георгия и другие (всего 10), участников от 15 до 50.

5. Члены Движения регулярно работали в Церковной школе Св. Троицкого Собора в Сан Франциско (7 членов Движения).

6. К концу 1953 г. привлечен к активному участию в РСХД целый ряд старых членов Движения, проживающих в Сан Франциско и других городах Калифорнии и Орегона.

На Общем Годовом Собрании, состоявшемся 20-го марта с. г. в Сан Франциско, было избрано новое Правление в составе: Председатель — прот. Г. Беннигсен, вице-председатель — А. Федоров, казначей — К. Хмелева и секретарь — О. Раевская. Представитель в Портланде (Орегон) — М. Гизетти, представитель в Монтерее (Калифорния) — Д. Григорьев.

О. Раевская.

П. ХРОНИКА ОБЩАЯ

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БОГОСЛОВСКОГО ИНСТИТУТА ИМЕНИ ПРЕП. СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО. в 1953—54 г.

Учебный 1953-1954-й год Св. Сергиевской Духовной Академии прошел в напряженной деятельности.

Двое из бывших воспитанников Института были рукоположены во священники: Вл. А. Куликов, который назначен настоятелем в Шарлеруа (Бельгия), и Др. Крапчевич, который обслуживает приход в Бордо. Число рукоположенных воспитанников Института достигает теперь 114.

Профессорский состав увеличился в этом году избранием на кафедру Нравственного Богословия П. Н. Евдокимова, известного церковного деятеля и автора нескольких книг на французском языке.

Приступил к преподаванию Догматического Богословия Б. А. Бобринский. Вернулся из Германии Н. А. Куломзиц, который провел два года в Геттингене, специализируясь по Ветхому Завету и Арамейскому языку у проф. Иеремияса, и готовится к чтению лекций по Ветхому Завету и по Истории Древнего Востока. Г. Вагнер, окончивший Институт в прошлом году, оставлен при кафедре Нового Завета.

Советом Института присуждены степени Доктора Богословия Его Свят. Патриарху Вселенскому Афинагору, Высокопреосв. Митрополиту Владимиру, Архиеп. Американскому Михаилу и Митрополиту Леонтию. Преподаватели, свещ. А. Князев (Ветхий Завет) и И. Ф. Мейендорф (История Византийской Церкви) сдали магистрантские предварительные экзамены и готовятся к защите диссертации.

Образован при Богословском Институте Centre d'études под общим руководством П. Н. Евдокимова и Л. А. Зандера, в котором будут читаться с будущей осени лекции общего богословского характера на французском языке для широкого круга слушателей и также для лучшего ознакомления с православием инославных.

По приглашению Бейрутского епископа, еп. Кассиан совершил поездку в Ливан, где прочел ряд лекций по Новому Завету.

В июне мес. группа профессоров (Вл. Кассиан, А. В. Карташев, Л. А. Зандер) и студентов (Г. Вагнер, Г. Сидоренко) отправились по приглашению Всел. Патриарха в Константинополь и провели три недели в Патриаршей Духовной Школе на острове Халки.

В августе мес. И. Ф. Мейендорф и Б. А. Бобринской будут участво-

вать на Общем Съезде Всемирного Совета Церквей в Еванстоне (С.Ш.А.).

Нужно еще отметить экуменическую деятельность Богословского Института. Каждый год бывает 12 февраля в День Трех Святителей многочисленное собрание с католическими и протестантскими друзьями Института.

По примеру прошлого года был устроен в начале июля в Богосл. Инст. литургический четырехдневный Конгресс, в котором участвовали более 70 литургистов разных вероисповеданий. Темы касались самых различных вопросов богослужебной науки и практики. В прошлом году среди докладчиков выступали прот. Н. Афанасиев (Таинство Соборания) и архим. Киприан (Догмат Халкидона в Византийском богослужении), а в этом году в списке докладчиков числились свещ. А. Князев (Теодисия Иова в византийских службах страстной недели), Ф. Г. Спаский (Об освящении воды) и прот. А. Шмеман, приславший свой доклад (Пост и Литургия). Главная заслуга по устройству литургических съездов принадлежит архим. Киприану.

Состав студентов очень разнородный, так как поступает с каждым годом все больше и больше прошений от иностранцев. Вот как распределялись студенты по национальностям в начале года: 14 русских, 7 греков, 3 болгар, 3 немца, 3 серба, 1 сириец, 1 англичанин, 1 финн, 1 румын, 1 француз. Среди студентов двое уже окончили высшую богословскую школу, и специализируются по отдельным предметам под руководством профессоров и готовятся к сдаче магистерских экзаменов. Среди оканчивающих в этом году Институт можно упомянуть финна Н. Кариомаа, который возвращается домой для церковного служения, и немца М. Иордана, который едет продолжать свое образование в Афинский Университет.

Сверх обычной программы богословских занятий, некоторые студенты участвовали и в работе Р.С.Х.Д., в кружках молодежи, на Съездах и, наконец, в Летнем Лагере.

Этот краткий очерк можно закончить указанием на то, что за два последние года удалось, благодаря пожертвованиям американской епископальной церкви, отремонтировать студенческие помещения, обновит устаревшую уже мебель, купить для дортуаров шкафы с перегородками, так что каждый студент отделен от своих соседей и пользуется большей самостоятельностью и уединением.

Б. Бобринской.

МИССИОНЕРСКИЕ ПОЕЗДКИ.

Поездка на Восток Франции.

15, 16, 17 мая, проф. Л. А. Зандер, К. А. Ельчанинов и И. В. Морозов посетили Моранж, Форбах и Страсбург. В Моранже, И. В. Морозов прочел доклад о Св. Руси, в Форбахе, Л. А. Зандер о Православии и в Страсбурге, К. А. Ельчанинов на тему: «Почему нужно верить в Бога?» и Л. А. Зандер: «Православие, католичество и протестантизм».

ВЫСТАВКА РЕЛИГИОЗНОГО ИСКУССТВА.

(Коньяк, июнь 1954 г.).

Только что закончилась двухнедельная выставка под общим названием «Art sacré», устроенная католическим духовенством города Коньяка

при Евхаристическом Съезде католических церквей юго-запада Франции. Католики проявили большую широту, пригласив православных иконописцев принять участие в ней. Наши иконы заняли очень определенное место в этой выставке, а именно показали возможность продолжения в современной церковной жизни старой иконописной традиции и, если и не дали сами ярких образцов новых творческих достижений, то показали хотя бы их возможность на этом пути.

Этим верно и объясняется тот исключительный интерес, который был проявлен католическим духовенством и публикой к нашим иконам.

Наблюдая прекрасно представленные этой выставкой все перипетии развития религиозного искусства на протяжении больше тысячи лет (от 9-го по 20-ый век), мы видим, что сейчас, католическая церковь находится в этой области на распутьи и в поисках новых путей.

В древнейших уцелевших иконах и крестах (9-го века и даже раньше), в каменных и деревянных скульптурах X—XIV веков, в примитивах XI—XV в. мы видим выражение подлинного духовного творчества и неразрывной связи искусства с Церковью. Но уже прекрасная голова Христа Дивино Моралеса, представляющая на выставке XVI век, изображает очень реалистически чисто человеческое страдание. Тут католическая церковь теряет свою иконописную традицию на многие века и искусство идет своим отдельным путем, хотя темы его долго еще носят религиозный оттенок.

Исключением отчасти является Rouault, в котором чувствуются поиски действительно религиозного искусства.

Как ни далеко ушло современное церковное искусство от своих корней, но именно самые «левые» и смелые дерзания вроде, например, «Распятия», сделанного из двух переплетенных между собой металлических полосок (кстати сделанного одним католическим монахом), — в своей выработанной простоте больше всего подходят к подлинно простым и прекрасным примитивам 9-го века. «Подо все можно подделаться, а под простоту нельзя» — как сказано где-то у Тургенева — и в этой простоте и скрытом за нею стремлении найти основное и первичное — видишь залог того, что возможен выход из кажущегося тупика, в котором находится современное католическое религиозное искусство.

Очень интересен обширный отдел современной религиозной живописи, где искусство, отражая особенность нашего времени, снова подходит, вернее пытается подойти серьезно к религиозным темам и даже больше — снова войти в Церковь. Тут мы видим попытки всех школ и направлений (в том числе и русских художников) в области Art sacré. Надо сказать, что пока это производит впечатление случайных и внешних попыток и, в лучшем случае, это не плохие картины на религиозные сюжеты или образцы абстрактной живописи, в которых только по надписи можно предположить, что это картина на религиозную тему.

Т. Ельчанинова.

ОБЩИЙ СЪЕЗД МИРОВОГО СОВЕТА ЦЕРКВЕЙ.

Мировой Совет Церквей, созданный в 1948 году на Съезде в Амстердаме, устраивает этим летом, с 15-го по 30-ое августа в Эванстоне (США) свой второй Общий Съезд.

Тема Съезда — «Христос — надежда мира». Она ставит всю проблему христианской эсхатологии, являющейся центральной для определения отношений между разделившимися частями христианского мира. Если протестанты не считают необходимым полное догматическое единство в вере для осуществления единства Церкви, так как всецелое откровение Истины является лишь предметом «надежды долженствующей исполниться в день Второго Пришествия», то православные верят, что Откровение уже даровано Богом во Христе, в живом Предании Церкви. Таким образом, в теме Съезда заложен ключ к пониманию наших разделений.

Работы Съезда будут также посвящены вопросу об общем свидетельстве христиан в мире и разным организационным проблемам Мирового Совета Церквей. На этом Съезде будут делегаты различных православных Церквей.

ДЕНЬ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ.

Комитет Юношеских Организаций по изучению России, объединяющий 9 юношеских организаций в Париже, устроил в настоящем году 20 мая, в Cercle Militaire «День Русской Культуры», посвященный М. И. Глинке и А. С. Пушкину. Вступительное слово прочел В. И. Поль на тему: «Жизнь и творчество Глинки», затем были представлены три сцены из «Бориса Годунова», детский балет на музыку Глинки и романсы и отрывки из опер Глинки.

Вследствие многочисленных дел (Вест-Андрея Рублева) (Вест-сообщить, что он слагает

страница	строк
3	15 стр
3	16 »
4	7 »
4	8 »
4	14 »
4	17 »
5	10 »
5	11 »
5	16 »
5	» »
5	19 »
5	20 »
5	22 »
5	» »
5	3 стр
6	6

Редактор: И. В. Мор

Гор.

596 к/х

~~СПРАВОЧНИКИ~~